

УДК 811.11-112

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-3-87-96

МЕТАТЕЗА КАК ОСОБЫЙ ВИД ЛЕКСИКО-ФОНЕТИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ

Телегин Л.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье метатеза впервые рассматривается с двух сторон: в плане внутриязыкового варьирования и в плане межъязыкового варьирования. В рамках одного языка метатеза выступает как речевая ошибка (оговорка) или отклонение от нормы и имеет территориально или стилистически ограниченное функционирование. В рамках межъязыкового континуума метатеза может являться кодифицированной единицей номинации, а сам факт метатезы устанавливается по отношению к соответствующим словам других языков. Отмечается возможность определять направление или близость генетических связей соотносительных слов с помощью метатезы.

Ключевые слова: метатеза, внутриязыковое и межъязыковое варьирование, речевая ошибка (оговорка), отклонение от нормы, диалектизм, ограничения в функционировании, межъязыковой континуум, генетические связи слов.

METATHESIS AS A SPECIFIC KIND OF LEXICO-PHONETIC VARIATION IN LANGUAGE

L. Telegin

*Moscow State Regional University
105005, Moscow, Radio street, 10a, Russian Federation*

Abstract. The paper deals with the analysis of metathesis in 2 aspects: in the plane of intralingual variation and in the plane of interlingual variation. As an instance of intralingual variation metathesis appears as a speech error (a slip of the tongue) or a deviation from the norm with territorially or stylistically restricted usage. Within the interlingual continuum metathesis can be a standard lexical unit and the fact of metathesis is established with reference to other similar words of related languages. In this case metathesis can be conducive to defining the direction or closeness of genetic ties of words.

Key words: metathesis, intralingual and interlingual variation, speech error (slip of the tongue), deviation from the norm, dialectism, territorially or stylistically restricted usage, interlingual continuum, genetic ties of words.

Метатеза, иначе перестановка, пермутация, транспозиция, обычно определяется как «взаимное перемещение звуков или слогов в составе слова на ассимилятивной или диссимилятивной основе» [1, с. 231; 2, с. 296]. Как изменение

формальной структуры слова метатезу традиционно принято рассматривать в ряду таких явлений как диэрза (выкидка), протеза (надставка), эпентеза (вставка), хотя ассимилятивный или диссимилятивный характер метатезы совсем не очевиден в силу того, что не очевидна фонетическая природа этого явления [5, с. 208–210].

Примеры метатезы немногочисленны и обычно переходят из учебника в учебник: рус. Фрол (из лат. *flor, floris* – «цветок»), Селивёрст (из лат. *silvester* – «лесной»), тарелка (раньше: талерка), ведмедь/ведьмедь (вместо медведь). Как правило, метатезу указывают в связи с историей и этимологией отдельных слов: рус. футляр из нем. *Futteral* (ср. польск. *futeral* с тем же значением без метатезы), лит. *kepti* «печь, жарить» из *rekti (ср. *пеку*), исп. *palabra* «слово» из лат. *parabola*.

Как речевая ошибка (оговорка) метатеза чаще всего встречается в устном выступлении или непринуждённом общении: раболатория/лаборатория, голиболов/болиголов (растение), сыровотка/сыворотка. В британской армии XIX в. слово «кавалерия» *cavalry* часто произносили как *calvary* [13].

Как единица номинации какого-либо явления или объекта действительности метатеза встречается в территориальных или социальных диалектах, при заимствовании иноязычных слов и в детской речи. Например, фершал (просторечие)/фельдшер, ведмедь/медведь, друшлаг/дуршлаг, суворый/суровый. В литературном испанском *esquina* «угол», в диалектах – *sequina*; *padie* «никто» – *paide* в диалектах. Особый случай представляют собой перестановки слога типа *lorca* «горячий» вместо стандартного *calor, gomias*

«друзья» вместо *amigos* в варианте испанского языка в Аргентине и Уругвае.

В современном английском стандартная форма глагола «спрашивать» *ask*, в диалекте – *aks*. В отдельных случаях вариантам с метатезой трудно приписать какую-либо территориальную или социолингвистическую ограниченность. Тамариск и тамарикс (название растения) в русском, *Erle* и *Eller* «ольха» в немецком различаются преимущественно по частоте встречаемости.

Примеры метатезы из разных языков говорят о её универсальном характере [4, с. 5], и как языковое явление она может быть интересным объектом исследования как в плане одного языка, так и в плане межъязыковых соответствий. Перестановка звуков в слове нарушает кодифицированную форму этой единицы номинации, но не приводит к коммуникативному сбою, что позволяет относить метатезу к явлениям исключительно формального, т.е. свободного, или немотивированного варьирования языковых единиц.

Вариантность, или вариативность, как представление о различных способах выражения какой-либо языковой сущности, является «фундаментальным свойством языковой системы и функционирования единиц языка» [10, с. 80], поэтому определение места метатезы среди фактов свободного варьирования в языке представляется актуальной задачей. Отметим, что статус вариантов с метатезой в рамках одного языка получает иную оценку, нежели рассмотрение этого явления в межъязыковом плане.

Проблема вариативности языка всегда привлекала к себе внимание лингвистов всех школ и направлений.

В отечественной лингвистике вариативность рассматривалась как в плане функционирования базовых единиц отдельных уровней языка, так и в плане функционирования языка в целом [6; 7].

Проблема вариативности первоначально возникла в фонологии, где ключевой задачей было выявление инварианта как некоторой абстрактной сущности, способной выполнять в языке смысловозначительную функцию, в данном случае фонемы, и её конкретных модификаций – вариантов, т.е. аллофонов. Исходя из идеи изоморфизма уровней языковой структуры, этот подход из фонологии был перенесён на другие уровни языка, дав начало таким терминам как морф/алломорф, лекса/аллолекса и т.п. Однако при рассмотрении двусторонних единиц языка – морфем и слов, первостепенной задачей стало не столько выделение одного инварианта для ряда взаимосвязанных вариантов (вопрос сам по себе не тривиальный), сколько определение границ и характера формального или содержательного варьирования в лексико-семантическом пространстве языка. О несомненном формальном варьировании мы можем говорить в случаях частичного различия форм при наличии у них общего значения. Это может быть одно грамматическое значение множественного числа, например, в формах английского суффикса *-es* (*book*-[s], *bag*-[z], *class*-[iz]) или одно грамматическое значение претерита в регулярных и нерегулярных формах глагола *to leap* «прыгать» (*leaped/leapt*); это могут быть разные грамматические значения (например: ед.ч. – множ.ч. в *wife* «жена» – *wives* «жёны» или *mouse* «мышь» – *mice* «мыши» при

тождестве лексического значения, или даже разные с точки зрения лексических и грамматических значений, но семантически соотносимые слова типа *belief* «вера» – *believe* «верить». Во всех случаях вариативные формы должны иметь очевидное семантическое основание вплоть до их полной тождественности в плане содержания.

При полной тождественности форм в плане содержания принято говорить о свободном варьировании, когда видоизменение звукового состава высказывания не сопровождается изменением его содержания [1, с. 72]. В приведённых примерах варьирования значение остаётся неизменным у вариантов суффикса множественного числа [s], [z], [iz] и у вариантов претерита *leaped/leapt* глагола *to leap* «прыгать». Однако варьирование форм множественного числа обусловлено фонетически, в то время как варьирование форм претерита глагола *to leap* «прыгать» является свободным, т.е. немотивированным на морфологическом уровне. Ср. аналогичные случаи свободного, т.е. синхронно немотивированного варьирования претерита глаголов *to creep* «ползать» (*creeped/crept*) и *to kneel* «становиться на колени» (*kneeled/knelt*). Свободное варьирование может иметь место на разных уровнях языковой структуры.

На уровне фонологическом в качестве источника свободного варьирования могут выступать и фонемы и ударение. Например: [o – y] или [a – ш] (ноль – нуль; рельса – рельс) или [к – г] (калоша – галоша) в русском языке; [i: – ai] или [k – s] в английском (*either* «любой (из двух)» [i:pə(r) – aipə(r)], *Celtic* «кельтский» [keltik – seltik]). В языках, типа русского, где словесное ударение

является разноместным и подвижным, оно, так же как фонемы, выполняет смыслоразличительную функцию, поэтому случаи свободного варьирования благодаря разноместному ударению (например, твурог – творуг, гиначе – инбче) встречаются редко.

В английском словесное ударение является менее свободным в плане своих смыслоразличительных возможностей, поэтому его вероятность быть источником свободного варьирования повышается. Материалы словарей английского произношения содержат массу примеров акцентных вариантов, не различающихся семантически. Иногда место ударения различает слова различных частей речи, но исключения слишком часты. Так, если alloy n. [r-] «сплав; примесь» и alloy v. [-r-] «сплавлять (металлы); добавлять примесь» различаются как глагол и существительное благодаря разноместному ударению, то comment v. [r-]/[-r-] по одному из своих акцентных вариантов совпадает с существительным. Особый случай представляют ally n. [r-/-r-] «союзник» и ally v. [-r-/r-] «вступать в союз»; increase n. [r-/-r-] «рост, увеличение» increase v. [-r-/r-] «увеличивать», где и существительное и глагол представлены свободными акцентными вариантами. Очевидно, что вследствие смены ударения меняется и качество гласных в соотносительных формах. Гласные в неударном слоге подвергаются разной степени редукции, увеличивая диапазон формальных (акустико-артикуляторных) различий в акцентных вариантах, но при рассмотрении последних от случаев безударного вокализма можно отвлечься, считая источником варьирования акцентные различия

[11, с. 46]. Можно ли считать, что мета-теза может создаваться перемещением места ударения в слове? Очевидно нет. Фонема, в отличие от ударения, является сегментной единицей, место которой в формальной структуре слова фиксировано.

К случаям свободного варьирования на морфологическом уровне можно отнести, помимо отмеченных выше вариантов претерита некоторых английских глаголов, варианты формы множественного числа некоторых существительных типа cactuses/cacti «кактусы», а также полные и сокращённые формы типа he is/he's, let's not.../don't let's...; tell him/tell'im и т.п.

В качестве вариантов синтаксического порядка можно привести рус. Если бы я знал об этом вчера, я бы смог помочь ему/ Знай я об этом вчера,...; англ. If I had known.../Had I known.... Семантическое тождество чередующихся форм и соответствующее синтаксическое оформление позволяет считать их свободными вариантами на синтаксическом уровне.

При широком понимании вариативности абсолютные синонимы типа самолёт/аэроплан, языкознание/лингвистика, нем. Erdkunde/Geographie тоже можно рассматривать как свободные варианты на уровне лексем [6, с. 568], однако отсутствие формальной общности сопоставляемых единиц противоречит основному пониманию вариантов как единиц с чётко определяемыми модификациями формы.

На уровне лексем к несомненным свободным вариантам следует относить пары слов с определённой общностью форм, например, рус. вариантность и вариативность, используемые выше как обозначение раз-

личных способов варьирования, англ. *objectivity* и *objectiveness* для передачи значения «объективность»; *elephant-cow* и *she-elephant* при обозначении слонихи. В немецком языке значение «аэропорт» может быть передано формой *Flughafen* вместо *Lufthafen* и мы свободны в выборе любой из этих форм.

Наконец мы подходим к случаям вариативности форм, возникающей не вследствие чередований какой-то части внутри лексемы, а вследствие нарушения порядка следования её компонентов, то, что выше рассматривалось как случаи метатезы.

К какому уровню варьирования следует относить вариант с метатезой? Ввиду очевидного изменения фонетической структуры слова приходится считать это вариативностью фонетического характера. Однако меняются не фонемный состав и не акцентировка нового варианта, а нарушается его линейная структура, меняется привычный порядок следования компонентов. С другой стороны, изменение происходит в рамках лексической единицы, её конкретной словоформы. В результате, как можно было видеть, либо возникает речевая ошибка (оговорка), либо новая единица номинации с определённой (стилистически и/или социолингвистически ограниченной) сферой её функционирования. Совершенно очевиден межуровневый характер вариантов с метатезой, вследствие чего их следует относить к свободному варьированию лексико-фонетического характера.

Учитывая отмеченный выше универсальный характер метатезы и условия её возникновения, можно ожидать её появления в речи (с возможной

кодификацией в лексиконе) в любой период истории развития языка. Достаточно много ярких примеров можно привести из истории английского языка.

В лексике английского языка древнего периода (7–11 вв.) отмечается ряд вариантных форм, обусловленных метатезой сонанта *r* между согласной и последующей гласной, давая модель *CrV>CVr*. С следует читать «согласный» от лат. *Consonans*, *V* – «гласный» от лат. *Vocalis*. Например: *юridda>юirda* «третий», *бrynnan>byrnan/beornan* «гореть», *бryd/brid>byrd/bird* «птица», *фryhtu>fyrhto* «страх», *frist>first* «срок, период времени», *frost>forst* «мороз», *hros>hors* «лошадь». Метатеза затрагивает также последовательность *rVC*, давая *VrC*: *rinna>irnan/iernan* «бежать, течь». В формах претерита и причастия II этого глагола метатеза сохраняется: *ran>arn* – *runnon>urnon* – *runnen>urnen*.

В случае вариантных форм всегда возникает вопрос, что является исходной формой лексемы, а что возникает в результате перестановки. Если исходить из слогаобразующего характера сонанта *r*, после которого гласный ослабевает и исчезает, а потом появляется вновь, но уже перед *r*, то последовательность *CrV* является исходной формой лексемы, а *CVr* – вариант с метатезой [3, с. 69].

Если принять фонетически обусловленный характер метатезы в случае с сонантом *r*, то в случае с другими согласными, в частности *sk*, *sp*, фонетически обусловленной причины перестановки звуков мы не находим и определять направление метатезы можно только в зависимости от того, какая форма будет принята на эталон.

Ср. мену порядка следования согласных *sk – ks* корня в формах слов *ascian – axian* «спрашивать» и *wascan – waxan* «мыть»; *sp – ps* в формах слова *wjps/wjfs – wjpsr* «оса». В последнем случае направление метатезы установить легче. Поскольку *wjpsr* восходит к лат. *vespa* «оса», то она и принимается за исходную форму лексемы, следовательно *wjps – вариант с метатезой*.

В среднеанглийский период встречаются как свободные варианты слов *lhof/loof* «хлеб» и *lhovered/lovered* «господин, хозяин». Принимая во внимание то, что эти формы воспроизводят более древние *hláf* и *hláford*, мы можем говорить о метатезе *hl>lh*, которая имела место в переходный период, т.е. в конце древнеанглийского – начале среднеанглийского. Многие из этих фактов метатезы сохраняются в последующие периоды развития английского языка, но в результате выработки литературной нормы они выходят из употребления, частично сохраняясь в диалектах. Некоторые источники указывают, что вариант *aks/ax* являлся обычной литературной формой до 1600 г. [12, с. 67]

Таким образом, направление метатезы может считаться установленным при наличии исходной формы единицы (особенно очевидной при наличии иноязычного слова) или выработанного языкового стандарта или литературной нормы, где имеется принятая обществом форма языковой единицы (эталон, стандарт) и отступление от неё в виде просторечия, диалектизма, архаизма и пр.

Семантическое равенство вариантов форм с метатезой и без отнюдь не свидетельствует об их функциональном равенстве, варианты формы

обязательно будут различаться по признакам: литературное – диалектное, кодифицированное – просторечное, стандартная форма или ошибка (в устной речи – оговорка, на письме – описка).

Метатеза, которая создаёт функционально неравноценное варьирование в рамках одного языка, может оказаться регулярной, кодифицированной единицей номинации при проникновении в лексику другого языка или при языковой дивергенции, что обычно в разной степени отражается в лексике языков, особенно близкородственных. Например, *суворый*, в отличие от *суровый* с тем же значением, является диалектизмом в русском языке, но кодифицированной единицей номинации на Украине.

Гласный состав слова при его проникновении в другой язык в результате языковых контактов может меняться и качественно, и количественно, что может заметно усложнять картину линейной перестановки фонем в словах разных языков, поэтому в отдельных случаях стоит указывать только тип звука – гласный, а не конкретные гласные. Во многих случаях приходится ограничиваться только согласными, особенно в виде консонатной рамки.

Обращает на себя внимание сохранившееся в первом слоге слова полногласие праславянского в русском языке – *CVC* и регулярная перестановка гласного в других славянских языках – *CCV*. Ср. рус. *солнце* – чеш. *slunce*, польск. *śłońce*; рус. *толпа* – чеш. *tlupa*; рус. *толстый* – чеш. *tlusty*, польск. *tlusty*; рус. *толмач* – польск. *tlumacz*, рус. *ворона* – польск. *wrona*; рус. *сельдь*, болг. *селда*, лит., латыш. *silke*, дат., норв. *sild*, швед. *sill*, но: серб. *slah*, чеш. *sleď*, польск. *śledź*.

Слово стар «карп» в румынском языке является очевидной метатезой по сравнению со словами других языков. Ср.: англ. carp, франц. carpe, нем. Karpfen, рус. карп (первоначально: коропь). Англ. turk (поэт.) «мрак, темнота» можно трактовать как метатезу по сравнению с рус. мрак, если принимать его за исходную форму (праформу). Ср. также: украинск. мурук, польск. mrok, серб. мрак.

При сравнении рус. иск-ать VCC и англ. seek [si:k] CVC, последнее на первый взгляд представляется метатезой русского корня, тем более, что в славянских и балтийских языках имеются соответствия с общей формой и семантикой, позволяющие так думать. Ср. польск. *iskac* «идти (по следам)», лит. *ieskoti* «вести поиски, искать». Но принять такой вариант мешают следующие факты: *seek* [si:k] – современное чтение этого слова, в древний и средний периоды был корневой гласный [e:] (да. *sçcan*, са. *seeken*). Вариантных форм этого глагола с корневой гласной [i] в древнеанглийской лексике не обнаружено. Семантически и формально с рус. «искать» соотносится скорее англ. *ask*, ранее имевшее значения «спрашивать, искать» [9, с.138]. *Seek*, в свою очередь, очень хорошо вписывается в один ряд с нем. *suchen*, гол. *zoeken*, швед. *siku*, норв. *sjuke*, польск. *szukac*, украинск. *шукати*.

Метатеза, обнаруживаемая при сопоставлении ряда слов в славянских, балтийских и германских языках, позволяет в отдельных случаях устанавливать большую или меньшую степень родства слов внутри группы или подгруппы языковой семьи. Например: рус. *курить*, считающееся общеславянским («образовано от той же осно-

вы, что и *куръ* – дым, чад, смрад») [8, с. 111], имеет следующие соответствия: лит. *rūkyti*, нем. *rauchen*, швед. *rička*, норв. *gshuke*, гол. *roken*, дат. *ryge*. Метатеза *kur>ruk* указывает на большее родство германских слов с литовским, т.е. с балтийским, а не славянским корнем, хотя можно сказать, что указанные германские слова восходят к славянскому *кур-* (*kur-*) через метатезу лит. *ruk-*. Это подтверждается тем, что в другом литовском слове – *kurti* «топить», семантически связанным с *куръ* «дым, чад», метатезы нет.

Англ. *almond* совсем не похоже на рус. *миндаль* и нем. *Mandel*, но если сравнить его консонантную рамку LMND (в произношении возможен вариант с немым L [a:mənd]) с рамкой MNDL русского и немецкого слов, то видно, что различие создаётся только перестановкой L в начало слова. В остальном они демонстрируют бесспорный изоморфизм. Также, с учётом метатезы, представляются одинаковыми консонантные рамки рус. *ворон* и англ. *raven* «ворон»: VRN – RVN.

Другие случаи метатезы также интересны: рус. *воск*, англ. *wax* и нем. *Wachs* различаются по метатезе конечных согласных; англ. *mean* и нем. *mein* при сравнении с рус. *мни-ть* – различаются только по месту гласной в корне CVC vs. CCV. Непохожие внешне англ. *hoarse* «хриплый» и нем. *heiser* «хриплый», с учётом метатезы г и озвончения s>z в немецком слове, имеют одну консонантную рамку: hrs = hs>zr.

Метатеза согласных, создающая отличие консонантных рамок корня рус. «сладкий» – SLD и исп. *dulce* «сладкий» – DLS, ничуть не мешает увидеть их фундаментальное сходство, предполагающее близость их генетических связей.

В заключение можно отметить следующее:

1. Метатеза, которая заключается в нарушении порядка следования сегментных единиц – фонем или слогов – внутри лексемы, представляет собой вид свободного лексико-фонетического варьирования слова, не приводящего к коммуникативному сбою в ситуации общения.

2. С точки зрения одного языка метатеза – отступление от нормы или стандарта. С точки зрения другого языка метатеза – кодифицированная единица номинации. В пределах межязыкового или диалектного континуума формы, отличающиеся частичным изменением порядка следования элемен-

тов, могут рассматриваться как свободные варианты.

3. Подобно тому, как метатеза не приводит к коммуникативному сбою в конкретной ситуации общения, метатеза не препятствует восприятию форм с различиями в их линейной структуре как тождественных.

4. При языковых контактах оригинальная (исходная) форма единицы в заимствующем языке сохраняется или подвергается перестановке (метатезе). Факт метатезы определяется точкой отсчёта, в качестве которой может выступать реальная форма языка, принятая за норму (образец, эталон), заимствованное слово, праформа или гипотетический конструктор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во «Сов.Энциклопедия», 1969. 608 с.
2. Грязнова Н.А. Метатез // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Сов.энциклопедия», 1990. С. 685
3. Ильиш Б.А. История английского языка. М.: Изд-во «Высшая школа», 1968. 419 с.
4. Побидько З.В. Явление метатезы в системе лексико-фонетической вариантности слова: автореф...канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2005. Великий Новгород, 2005. 18 с.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект-Пресс, 2003. 536 с.
6. Семенюк Н.Н. Норма // Общее языкознание. М.: Изд-во «Наука», 1970. С. 549–597
7. Серебренников Б.А. Язык как общественное явление // Общее языкознание. М.: Изд-во «Наука», 1970. С. 419–449
8. Ситникова А. Этимологический словарь русского языка. 2 изд. Ростов н/Д: «Феникс», 2005. 240 с.
9. Смирницкий А.И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. 284 с.
10. Солнцев В.М. Вариантность // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Сов.энциклопедия», 1990. С. 685
11. Телегин Л.А. Морфологическое использование английского словесного ударения (учебное пособие). Самарканд: зд-во СамГУ им.А.Навои, 1976. 96 с.
12. The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford: OUP, 1974. 1566 с.
13. Quinion M. AKSED VERSUS ASKED // audiorazgovornik.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://audiorazgovornik.ru/ob-angliyskom-yazike/693> – metathesis (дата обращения: 22.02.2016.)

REFERENCES

1. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. M., Izd-vo «Sov. Entsiklopediya», 1969. 608 p.
2. Gryaznova N.A. Metatez [Metates] // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. M., «Sov. entsiklopediya», 1990. pp. 685
3. Il'ish B.A. Istoriya angliiskogo yazyka [History of the English language]. M., Izd-vo «Vysshaya shkola», 1968. 419 p.
4. Pobid'ko Z.V. Yavlenie metatezy v sisteme leksiko-foneticheskoi variantnosti slova: avtoref... kand. filol. nauk. Velikii Novgorod, 2005. [The phenomenon of metates in the system of lexical and phonetic variations of the words: abstract of diss. ...kand. of Philology Sciences.]. Veliky Novgorod, 2005. 18 p.
5. Reformatskii A.A. Vvedenie v yazykovedenie [An introduction to linguistics]. M., Aspekt-Press, 2003. 536 p.
6. Semenyuk N.N. Norma [Standards] // Obshchee yazykoznanie. [General linguistics.]. M., Izd-vo «Nauka», 1970. pp. 549–597
7. Serebrennikov B.A. Yazyk kak obshchestvennoe yavlenie [Language as a social phenomenon] // Obshchee yazykoznanie. [General linguistics.]. M., Izd-vo «Nauka», 1970. pp. 419–449
8. Sitnikova A. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. 2 izd. [Etymological dictionary of the Russian language. 2nd ed.]. Rostov n/D, «Feniks», 2005. 240 p.
9. Smirnitiskii A.I. Khrestomatiya po istorii angliiskogo yazyka s VII po XVII v. [Readings on the history of English from VII to XVII century.]. M., Izd-vo MGU im. M.V. Lomonosova, 1998. 284 p.
10. Solntsev V.M. Variantnost' [Variability] // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. M., «Sov. entsiklopediya», 1990. pp. 685
11. Telegin L.A. Morfonologicheskoe ispol'zovanie angliiskogo slovesnogo udareniya (uchebnoe posobie) [Morphonological use of English word stress (study guide)]. Samarkand, zd-vo SamGU im. A.Navoi, 1976. 96 p.
12. The Concise Oxford Dictionary of Current English [The Concise Oxford Dictionary of Current English]. Oxford, OUP, 1974. 1566 p.
13. Quinion M. AKSED VERSUS ASKED // audiorazgovornik.ru [audiorazgovornik.ru]. [Electronic resource]. URL: <http://audiorazgovornik.ru/ob-angliyskom-yazike/693> – metathesis (request date: 22.02.2016.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Телегин Лев Александрович – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики английского языка Московского государственного областного университета; e-mail: prof_telegin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lev Telegin – doctor of philological sciences, professor, head of the department of theory and practice in English of Moscow State Regional University; e-mail: prof_telegin@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Телегин Л.А. Метатеза как особый вид лексико-фонетического варьирования в языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 3. С. 87-96.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-3-87-96

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Lev Telegin Metathesis as a specific kind of lexico-phonetic variation in language // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Linguistics. 2016. no 3. pp. 87-96.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-3-87-96